

Научное приложение. Вып. ССЛІ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Sofya Khagi

P E L E V I N
A N D U N F R E E D O M

Poetics, Politics, Metaphysics

NORTHWESTERN UNIVERSITY PRESS

2021

Софья Хаги

П Е Л Е В И Н
И Н Е С В О Б О Д А

Поэтика, политика, метафизика

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2023

УДК 821.161.1(092)Пелевин В.О.
ББК 83.3(2=411.2)6-8Пелевин В.О.
Х13

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CCLI

Хаги, С.

Х13 Пелевин и несвобода: Поэтика, политика, метафизика / Софья Хаги; пер. с англ. Т. Пирусской. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 392 с.

ISBN 978-5-4448-1967-8

Проза Виктора Пелевина стала выражением сомнений и страхов поколения 1990-х годов, пытавшегося сформулировать и выстроить новые жизненные стратегии на руинах распавшейся империи. Несмотря на многолетний читательский успех, тексты Пелевина долго не становились предметом серьезной литературоведческой рефлексии. Книга Софьи Хаги призвана восполнить этот пробел; в центре внимания автора — философская проблема свободы в контексте художественного мировоззрения писателя. Как Пелевин перешел от деконструкции советской идеологии к критике сегодняшней глобальной реальности? Какие опасности писатель видит в ускоренном технологическом развитии? Почему, по его мнению, понятие свободы в современном обществе радикально искажено? Автор ищет ответы на эти вопросы, предлагая пристальное прочтение созданного Пелевиным уникального социально-метафизического фэнтези. Софья Хаги — профессор русской литературы на кафедре славянских языков и литератур в Мичиганском университете (г. Энн Арбор).

УДК 821.161.1(092)Пелевин В.О.
ББК 83.3(2=411.2)6-8Пелевин В.О.

Copyright © 2021 by Northwestern University Press. Published 2021.
All rights reserved.

© Т. Пируская, перевод с английского, 2023
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023
© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Благодарности</i>	8
<i>Введение. Пятьдесят видов решетки</i>	10
Подходы и противоречия	18
Теоретический трамплин	23
Российская (не)свобода	38
Композиция книги	41

Часть I. Антиутопия техноконсюмеризма

<i>Глава первая. После падения.</i>	50
Поле Чудес в Стране Дураков	51
От Homo sovieticus к Homo sapiens	57
Трансформация парадигм антиутопии	66
Непристойное трансцендентное	75
<i>Глава вторая. Языковые игры</i>	80
Новояз, мнемоника Хаксли, язык тотального администрирования, слово и молчание.	82
Метафизико-материальная метафора.	86
Рекламные кампании Татарского	88
С характерной для иностранца склонностью к каламбурам	94
Американский английский как лингва франка	98
Вавилонская башня	106

Часть II. Постгуманизм

<i>Глава третья. Биоморфные чудовища.</i>	114
Цыплята, насекомые, люди	116
Оранус и разрушение субъекта	118
Человеконефть и нефтедоллары	121
Потребление политического тела	126
Просвещенный вампиризм	132
<i>Глава четвертая. Могут ли цифровые люди мыслить?</i>	142
Киберпространство, первый уровень	145
Вот лабиринт, в котором виден план	150
От Homo sapiens к производителям баблоса	158
Свобода воли, сознание и искусственный интеллект.	162

Часть III. История

<i>Глава пятая. Не взрыв, но всхлип</i>	180
Москва, третья вавилонская блудница	181
Судный день для нечисти	187
Второе пришествие и конец истории	191
Мы мерзость пред Господом	203
<i>Глава шестая. Бабочки в подсолнечном масле</i>	217
Несостоявшаяся альтернативная история	221
Собственная временная шкала	225
Птицы и бомбы	235
Fuck the System, а точнее, наоборот	241
Энциклопедия альтернативной истории	243
Hamster против надежды	247
Способность действовать, этика и след Фуко	253

Часть IV. Интертекст и ирония

<i>Глава седьмая. Кульбиты мысли</i>	264
Зимние заметки о русской идее	265
Имеющий меру в руке своей	273
Фортепьянные клавиши и суррогатные жены	277
Отцы и дети	283
Летучая мышь на вершине	288
Мы нужны будущему... как пища	292
Future Perfect	296
<i>Глава восьмая. Тотальное искусство иронии</i>	301
Ирония по поводу уже сказанного	306
Перевернутое лирическое высказывание	309
Ироническое обрамление	313
Парадокс лжеца	316
Язык и противоречие в действии	321
Прагматика производства текста	326
<i>Заключение. Рождественская песнь с уточнениями</i>	339
Пелевин тогда и сейчас	350
И напоследок	360
<i>Библиография</i>	362
<i>Указатель имен</i>	383

Моей дочери Амалии

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотела бы поблагодарить коллег по кафедре славянских языков и литератур Мичиганского университета (Анн Арбор) — мне повезло, что я работаю в таком вдохновляющем месте. Особенно я благодарна моему многолетнему наставнику Хербу Иглу за его мудрое руководство и необычайную доброту и Майклу Мейкину за неожиданные идеи и ободряющие комментарии. Я чрезвычайно благодарна профессору Гарвардского университета Стефани Сандлер, направлявшей меня все эти годы в аспирантуре и после, всегда готовой дать своевременный совет и оказать дружескую поддержку. Я от души признательна Ирен Делич из Университета штата Огайо и Кэтлин Парте из Рочестерского университета (моей преподавательнице русской литературы в студенческие годы) — моим учителям и друзьям, долгое время мне помогавшим. Я должна выразить благодарность Ричарду Ли и Терре Фишер из Мичиганского университета за первоклассную редакторскую работу над моей рукописью. Благодарю представителей издательства *Northwestern University Press*: Гэри Сола Морсона, рекомендовавшего книгу (мою вторую работу, изданную *Northwestern University Press*) к публикации, Тревора Перри и Патрика Сэмюэла, разъяснявших мне все тонкости подготовки книги к печати, и трех анонимных рецензентов, чьи ценные замечания помогли мне доработать рукопись. Спасибо моим родителям, Хае и Касриэлю Хаги, за то, что они всегда рядом, окружают меня любовью, придают сил и поддерживают. Книгу я посвятила своей дочери Амалии, подарившей мне целый мир — и пару коньков в придачу.

*

Я также хотела бы поблагодарить редакторов и издателей журналов, где отдельные главы моей книги ранее вышли как статьи. Я переработала этот материал с учетом более поздних произведений Пелевина и литературоведческих работ, появившихся после публикации моих статей.

Alternative Historical Imagination in Viktor Pelevin // *Slavic and Eastern European Journal*. 2018. 62. № 3. P. 483–502. Использовано с разрешения Университета штата Огайо.

From Homo Sovieticus to Homo Zapiens: Viktor Pelevin's Consumer Dystopia // *The Russian Review*. 2008. 67. № 4. P. 559–579. Использовано с разрешения издательства *John Wiley & Sons*.

Incarceration, Alibi, Escape? Victor Pelevin's Art of Irony // *Russian Literature*. 2014. 76. № 4. P. 381–406. Использовано с разрешения издательства *Elsevier*.

The Monstrous Aggregate of the Social: Toward Biopolitics in Victor Pelevin's Work // *Slavic and Eastern European Journal*. 2011. 55. № 3. P. 439–459. Использовано с разрешения Университета штата Огайо.

One Billion Years after the End of the World: Historical Deadlock, Contemporary Dystopia, and the Continuing Legacy of the Strugatskii Brothers // *Slavic Review*. 2013. 72. № 2. P. 267–286. Использовано с разрешения издательства *Cambridge University Press*.

ВВЕДЕНИЕ. ПЯТЬДЕСЯТ ВИДОВ РЕШЕТКИ

— А почему для ссылки выбрали нашу планету?
— Ее не выбрали. Она изначально была создана для того, чтобы стать тюрьмой.

Виктор Пелевин. *Empire V*

Виктор Пелевин — один из наиболее заметных постсоветских авторов, которого чаще других переводят на английский язык. Став рупором поколения, повзрослевшего в 1990-е годы и пытающегося обустроить жизнь в распадающейся империи, Пелевин привлек к себе внимание в постсоветском культурном пространстве. Он отточил собственный уникальный тип социально-метафизического фэнтези, где смешное и пародийное соседствует с черным юмором и абсурдистскими сюжетными поворотами, а меткие бытовые наблюдения переплетаются с элементами оккультизма и сюрреализма. Пелевина сравнивали с такими мастерами социально-метафизического фантастического жанра, как Гоголь, Кафка и Борхес, а в последние двадцать лет многие ценят его как писателя, точнее всего уловившего дух времени и обладающего к тому же сверхъестественным даром предвидения. Он с необычайной точностью изобразил дивную новую Россию — а может быть, и сам не устоял перед ее порочными соблазнами. В постсоветской культурной среде его плодovitость вызвала бурные дискуссии¹.

¹ Единственная русскоязычная монография о творчестве Пелевина охватывает корпус текстов, написанный в начале — середине 1990-х годов: Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: Петрополис, 2008. В своей работе я анализирую все написанное Пелевиным — от юношеских рассказов до последних романов. Единственная биография писателя на русском языке: Козак Р., Полотовский С. Пелевин и поколение пустоты. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

За последние годы появилось множество исследований, посвященных творчеству Пелевина, не говоря уже о бесчисленных рецензиях в печатных и онлайн-изданиях. Вместе с тем прослеживается тенденция либо сводить многообразные оттенки восприятия им литературной деятельности к разновидности постмодернизма, либо в зависимости от актуальной идеологической повестки причислять его к «своим» или, наоборот, отвергать. Кроме того, его поздним произведениям уделяется меньше внимания, чем ранним, таким как «Чапаев и Пустота» (1996) и «Generation „П“» (1999). Рецензии на его последние книги искажены идеологическими или личными предпочтениями, мешающими критикам разглядеть в творчестве Пелевина нюансы и двойные смыслы.

Пелевин — сложный автор: он прибегает ко множеству разнообразных приемов, его нарративы устроены прихотливо, а смысл их часто ускользает от читателя. Его безграничные фантазии открывают обширный простор для толкований. Его тексты пронизаны иронией и усыпаны парадоксами, что лишает их какой бы то ни было устойчивости. Пелевин — живущий в информационном потоке, прекрасно осведомленный о происходящем в мире и обладающий острым умом мыслитель, которому к тому же присуща поразительно настойчивая культурная рефлексия (в том числе гипертрофированная саморефлексия). Он больше, чем можно было бы предположить, сопротивляется критическому анализу, и в книге я рассматриваю его тексты со всей серьезностью, не забывая, однако, о роли в них жизнерадостной игры.

В своей работе я постараюсь отдать должное философской и эстетической многогранности произведений Пелевина и проанализировать весь его творческий путь — от раннего постсоветского периода до путинской России. Тот факт, что Пелевин вот уже четверть века остается заметной в культурном пространстве фигурой, позволяет оценить его масштаб и неослабевающую актуальность в исторической перспективе. Я подробно рассматриваю его тексты, разбираю построение диалогов и останавливаюсь на общих векторах мысли, объединяющих его многочисленные произведения.

В настоящей книге я, чтобы понять многие тексты Пелевина, обращаюсь к критике им постсоветской и глобальной постмодернистской современности. Пелевин приобрел в наше время такое значение, так как он показывает, что мы живем в мире, где свобода стала невозможной. Он пользуется популярностью, потому что его тексты легко читать, но сам Пелевин стремился не просто развлечь читателя. Уделяя слишком много внимания беззаботно остроумной стороне его произведений, мы упускаем из виду его совершенно серьезную, сокрушительную критику в адрес современного мира. Задача моего исследования — восстановить равновесие и продемонстрировать, что этот писатель может многому нас научить — об обществе, рабстве и возможных путях к освобождению.

Главная тема моей книги — философская проблематика (не)свободы в произведениях Пелевина. Его творчество и мировоззрение сформировались на почве заставляющих вспомнить Достоевского размышлений о том, как в условиях современного общества исказилось понятие свободы. Пелевин, явно антиавторитарный по духу писатель, никогда не принимает на веру то, что называет «коллективной визуализацией»: различные идеологии, альтернативные мифологемы и азбучные истины. Деконструкция советской идеологии в ранних текстах Пелевина (учитывая распад Советского Союза, она была удобной мишенью) уступила место пристальному анализу глобального технологического консюмеризма¹. С 1990-х годов его мысль постоянно обращалась к кризисному состоянию глобальной, постмодернистской и техноконсьюмеристской реальности. С точки зрения Пелевина сегодняшний мир, поощряя сверхпотребление и манипулирование обществом с помощью технологий, способствует деградации человека, историческому тупику, культурному и духовному упадку.

В «Generation „П“», своего рода манифесте, направленном против технологического консюмеризма, Пелевин

¹ Технологический консюмеризм (технологическое потребление, техноконсьюмеризм) — сочетание развитых технологий и растущего потребления.

справедливо замечает, что человек обладает «природным правом на свободу»¹. В его мире свобода мысли и действия — самое ценное, чем наделен человек, и за нее необходимо бороться вопреки любым биологическим и социальным преградам. Центральные персонажи произведений Пелевина, например Петр Пустота, постоянно бегут из заключения. В редких случаях им это удастся, и тогда они по-настоящему вознаграждены. Но чаще пелевинским персонажам отказано в их исконном праве.

От романа к роману, от изменчивых девяностых до кризисных и полных насилия двухтысячных Пелевин подробно рисует системы несвободы. Они органически разворачиваются в его текстах, изображенные в разных конфигурациях, с разных точек зрения, с разной степенью успешности, но в основе всегда один и тот же круг проблем. Структуре типичного пелевинского нарратива присущ особый ритм. Работая с устойчивым набором ключевых мотивов, таких как сверхпотребление, дегуманизация, технологический контроль, иллюзии, ложь языка, с массовой культурой и критической теорией, Пелевин опирается на ранее написанные им произведения и вводит в последующие тексты новые идеи.

Так поступают многие писатели, но творчество Пелевина пронизано не столь часто встречающейся внутренней связностью — в рамках как конкретного текста, так и их последовательности. Если здесь уместны аналогии с классиками, то у него мы видим подобный толстовскому лабиринт сцеплений. Он соединяет разные нарративы, придавая им объем, показывая одни и те же предметы в разных ракурсах, так что они обретают многомерность. Кажется, что Пелевин, почти как Эйнштейн, играет с относительностью и положениями объектов.

Что еще важнее, следующие один за другим нарративы отсылают, казалось бы, к совершенно разным социометафизическим моделям, которые на самом деле уходят корнями в предшествующие парадигмы и питаются ими. От романа к роману Пелевин выстраивает собственную цепь бытия,

¹ Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 1999. С. 110.

переосмысляя ее как цепь несвободы. Каждая последующая модель приподнимает еще одну завесу майи, открывает новую картину за той, что была написана ранее. Романы строятся как матрешка наоборот, обнаруживая кажущуюся бесконечной цепь рабства: А, которого принудил Б, которым, в свою очередь, манипулировал В, ставший орудием в руках Г, и так далее. За всеми этими схемами стоят гипертрофированная коммодификация и обусловленная интенсивным внедрением технологий трансформация бытия, ведущая к дегуманизации и деградации общества.

Я постараюсь показать, как накладываются друг на друга разные уровни текстов Пелевина — поэтика, политика и метафизика, — посредством которых автор ставит шуточный, парадоксальный, но пронизательный и в конечном счете беспощадный диагноз современному обществу. Пелевин протягивает зеркало читателям, демонстрируя, как контроль над обществом притворяется свободой, как люди добровольно (и даже охотно) соглашаются быть рабами системы и как общепринятые признаки свободы (например, свободный рынок) на поверку оказываются заблуждением или иллюзией.

Широко известна классификация Исаяи Берлина, который, противопоставляя Достоевского Толстому, разделил всех писателей на тех, кто увлечен определенным набором идей и упорно исследует их в своем творчестве (ежи), и тех, чьи интересы шире и разнообразнее (лисы). Как и его прославленный предшественник Ф.М. Достоевский, Пелевин, несомненно, еж. Он возвращается к изображению ликов и причин несвободы с таким упорством, будто пишет научную работу. Как и Достоевского, его особенно манят современные ему события. Его сильная сторона в умении работать с тем, что называется актуальностью, — в непревзойденной способности держать руку на пульсе времени. Он пристально изучает и обобщает самые характерные и тревожные тенденции эпохи, прежде чем их замечает большинство, которое «живет и умирает» в ней. Он необычайно чуток к мандельштамовскому «шуму времени», протекающему в «белый шум» Дона Делилло. Причем вопросы, к которым обращается Пелевин, постепенно проясняются

и выходят на первый план. Словно рентгеном просвечивая смятение начала постсоветских 1990-х, обманчивую стабильность 2000-х или апокалиптическое восприятие настоящего, он ставит обществу диагнозы, доводя их до (а)логического конца. Чем больше Пелевин доводит до абсурда подмечаемые им тенденции, тем отчетливее проступает диагноз, поставленный им современной действительности.

Почему в эпоху, когда самые страшные тоталитарные режимы погребены в истории, Пелевина так волнует несвобода? Пусть явные диктатуры, такие как нацизм или сталинизм, ушли в прошлое, человечество живет в настоящем, где свобода подавляется в неслыханной степени. В отличие от явно тюремных режимов XX века, глобальная техноконсюмеристская система предоставляет более комфортный, а значит, более действенный способ контроля над человеком. А поскольку эти субъекты довольны комфортным пребыванием в заключении, существующее положение дел позволяет подавлять население еще более эффективно. Именно такого рода парадоксы чрезвычайно привлекают Пелевина.

Для Пелевина несвобода современности связана с уничтожением человеческого начала как такового. Можно пытками внушить любовь к Большому Брату, как в романе Джорджа Оруэлла «1984» (1948). Можно отвергнуть свободу, потому что добровольный и сознательный выбор — слишком тяжелая ноша, как сказано в притче «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых» Достоевского (1880). Можно представить себе сценарий, в котором человек уже не оплакивает утрату свободы — и в этом заключается один из главных тезисов Пелевина, — так как оплакивать больше некому или даже некому распознать эту утрату. Предоставляя человеку удобную возможность добровольного рабства, система расшатывает (а то и вовсе уничтожает) само представление о человеке как носителе свободной воли, разума и этики.

Пелевин сатирически изображает зарождающийся российский капитализм, только начинающую созреть форму повседневного потребления, во всей его гротескности, но его критика — и это следует подчеркнуть — обращена против положения дел в мире в целом, против господства

технологического консюмеризма¹. Он проливает свет на болезненный и разрушительный переход от неудавшейся советской модерности к постсоветскому постмодерну, создавая яркие зарисовки беспокойных лет, следовавших за распадом советской империи с ее разваливающейся экономикой, многочисленными военными конфликтами и ухудшением экологической обстановки. Но пессимистические наблюдения Пелевина, касающиеся состояния человека, применимы далеко не только к советскому пространству. Русский писатель вступает в диалог с критикой технологического консюмеризма по всему миру на собственных неповторимых условиях.

Как утверждает Фредрик Джеймисон в книге «Археологии будущего: Желание по имени утопия и другие научные фантазии» (*Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, 2005), Пелевин в своем творчестве глубже исследует истоки коммодификации, чем, например, Филип Киндред Дик или Урсула Ле Гуин². С его мнением трудно не согласиться. Русский писатель, чье детство пришлось еще на советскую эпоху, в какой-то момент, вероятно, осознал, что социалистическая утопия — мираж. Это было горькое разочарование, а наступивший затем капитализм предстал как мощная демоническая сила — жизнь, сведенная к накоплению и трате денег, лишенная какого бы то ни было этического императива.

Когда Россия бросилась в гущу мирового технологического консюмеризма эпохи постмодерна, Пелевину удалось наглядно отобразить природу глобальных проблем. В отличие от западных писателей и теоретиков, рисующих сложившееся общество потребления, Пелевин показывает принудительную и гротескную замену советского образа жизни чуждыми

¹ Многие рецензенты (например, Ирина Роднянская) восприняли *S.N.U.F.F.* как первый роман, где Пелевин выступил с критикой положения дел в мире. На самом деле писатель обратился к теме судьбы человечества уже в «Generation „П“». Но даже в ранних произведениях (таких, как «Омон Ра») угадываются предпосылки будущей критики (в частности, эпизод с Генри Киссинджером и медвежьей охотой).

² *Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York: Verso, 2005. P. 82.

законами рынка. Писатель, как и все люди его поколения, в одночасье перенесся из одного мира в другой — на смену советскому детству и юности пришла взрослая жизнь в постсоветскую эпоху. Он размышляет о масштабных исторических переменах — и вместе с тем о самом себе. Поэтому неудивительно, что Пелевин вглядывается в дивный новый мир с плодотворным отстранением и с немалой долей отвращения.

Я рассматриваю творчество Пелевина в двух аспектах: с одной стороны, анализирую тематически, с другой — отслеживаю его развитие за последнюю четверть века. Когда в конце 1980-х — начале 1990-х годов произведения Пелевина начали печатать, они произвели на читателей сильное впечатление за счет новаторского сочетания буддистской философии, постмодернистской стилистики и всепоглощающей иронии по отношению к любому официально признанному общественному порядку, будь то либеральному или консервативному. В этом плане Пелевин уловил дух времени. Такие писатели-диссиденты конца XX века, как Венедикт Ерофеев, Андрей Синявский (Абрам Терц), Владимир Войнович и Василий Аксенов, своим появлением на постсоветской литературной арене обязанные перестройке и гласности, как и концептуалисты (Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн) или постмодернисты (например, Владимир Сорокин), наслаждались абсурдом, смаковали гротеск и высмеивали политику. Но даже на фоне этого экспериментального многообразия Пелевин выделялся неутомимым бунтарством.

Через несколько десятилетий после падения коммунистического режима, когда остался в прошлом и расцвет постмодернизма, Пелевин вновь заново изобретает себя. Я имею в виду этический поворот в «пелевиниане» — непоследовательный, но ощутимый переход от метафизического солипсизма и разочарования в социальном порядке, пронизывающих такую классику девяностых, как «Чапаев и Пустота», к возрастающей нравственной тревоге за других. Этот сдвиг не мешает индивидуальной свободе, а достигается благодаря ей, так как требует глубокого внутреннего пространства — чтобы этическая перспектива была возможна в мире, где господствует принуждение.